

Татьяна Луковская

ДАР УШКУЙНИКУ

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Л84

Луковская, Т.

Л84 Дар ушкуйнику / Т. Луковская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 280 с.

ISBN 978-5-521-91650-4

Гордый атаман речных пиратов-ушкуйников Микула имеет все: богатство, славу, большое войско преданных ратников и даже свой град, где он почти как князь. Почти, а хотелось бы... За помощь старой княгине, отстоять удел для внуков-княжичей, Микула просит в жены внучку-княжну. Заветная цель близка, но в тщательно продуманный план вмешивается любовь. А на дворе 6745 лето (1237 г.), в воздухе уже пахнет грозой, идет неведомая рать с востока. Сумеют ли два любящих сердца противостоять соблазнам и выйти невредимыми из предначертанных испытаний?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Луковская Т., 2022
© Луковская Т., Телепина А.,
оформление, 2022
© RUGRAM, 2022

ISBN 978-5-521-91650-4 © Т8 Издательские технологии, 2022

Пролог

Октябрь 1236 г.

— А что, Сбыслав Гордеич, хозяин любезный, коли посватаюсь, отдашь за меня дочь?

В хмельных очах гостя плескалось наглое веселье. Любопытная тишина разом накинута невидимые платки на рты пирующих, создавая в душной гриднице тревожное напряжение. Тридцать пар глаз уставились на хозяина застолья — что ответит, как выкручиваться станет? Откажет сразу, резко и грубо, или станет юлить и выворачиваться, чтобы не обидеть почетного гостя, ради которого выставил, не скупясь, на широкий стол лучшие яства и обильное питье.

Сбыслав чуть нахмурился, явно размышляя о том же. Гость терпеливо ждал, расслабленно облокотившись о лавку, словно и не понимал, что загоняет хозяина в угол.

— Ты, Микула, рода славного, и отца, и деда твоих я знавал, царствие им небесное, а уж прадед, что и говорить, — на распев начал Сбыслав, крестясь на красный угол. — Да и сам ты в бою храбр, многими добродетелями украшен...

«Значит все же выкручиваться», — попрытали в бородах улыбки пирующие, выдыхая. Оно и верно, зачем же в открытую ссориться с могучим ушкуйником? Не лучше ли ласково отказать, нехотя, да побольше лести подлить, чтоб и не понял медведище этот, что ему «путь указали»? Ишь куда взлететь надумал, младший да в опальном роду, а туда же, с богатейшим боярином Торжка лезет родниться, которому незазорно и за посадника новгородского дочь пристроить! Хмель в голову ударил, али и вправду считает, что ровня? Все этим Мирошкиничам былые времена мерещатся, когда они великим градом ворочали да против князей перли.

— Видит Бог, хотел бы такого зятя иметь, — полился сладкий голос хозяина, — да что там зятя, сына родного, — Сбыслав раскрытой ладонью ударил себя в грудь, — но только дочь моя уж сговорена. Прости, — при этом он сокрушенно мотнул плечевой головой.

— А кто ж сговоренный тот? — подался вперед Микула, словно не расслышав. — Мнится мне, дочь твоя про своего сговоренного и не ведает.

Сбыслав потер вспотевшую шею, кашлянул. Гости затаили дыхание, понимая, что представление еще не окончено.

— Ладно, буду откровенен, — хлопнул себя по колену хозяин. — Вот ежели бы ты поселился здесь, в Торжке, подле меня, а не лез в леса дикие, то отдал бы дочь за тебя тут же, не глядя. Но ты ж все равно не останешься, в городец свой уйдешь и жену с собой заберешь, так ведь? То-то же, — довольно заулыбался Сбыслав, видя, что гость не возражает. — А она у нас одна, кровиночка. Ты уж не обессудь, Микула, а в глушь я ее не выдам, среди нехристей поганных жить.

— Стало быть, брезгуешь, — по-своему оценил отказ гость, прищуривая очи.

— Тут ты не прав. Обидеть не хочу, вот нет у тебя пока детишек, чтоб правоту мою понять, сердце отцовское разуместь. А появятся, так поймешь.

И опять оглушающая тишина. Что ушкуйник ответит, не схватится ли за меч, с него станется, буян тот еще? «У-у-у», — зловеще завыл пес на дворе, заставляя невольно вздрагивать. Недобрый знак!

— А и верно, — усмехнулся Микула, показывая крепкие хищные зубы, — на кой мне боярышня, жениться, так сразу на княжне.

Громкий хохот потряс стены, гости разом разомлели, расслабились. Шутит, стало быть, не в обиде, пронесло, можно дальше наслаждаться жирным мясом да пить сладкий сбитень.

— А чего ж, Микульша, княжну-то? Жениться, так на самой царевне царегородской, — решил подковырнуть один из крепко пьяных горлопанов.

— Я добродетельной скромностью украшен, так высоко не лезу, — усмехнулся Микула, поднося к губам чарку.

И новый взрыв хохота.

— Да здрав будет Микула Мирошкинич! — закричал хозяин, вскакивая с лавки с громоздкой братиной в руках, трезвым разумом понимая, что слишком далеко в потехе заходить не следует, все равно, что щелкать медведя по носу.

— И тебе не хворать, — процедил Микула, лениво отхлебывая из протянутого ему сосуда.

Чувствуя неприятную слабость в ногах, хозяин тяжело опустился на лавку. «И без татя¹ этого обойтись нельзя, и с ним, что по раскаленным углям бегаешь, маета одна. А Парашку надобно выдрать, чтоб хвостом пред кем не попадая не мела, да отца под монастырь не подводила».

Лунная ночь нежилась в молодом октябрьском снежке, зима развешивала иней на не успевшие скинуть листву деревья. Над избами дремлющего Торжка поднимался молочный дымок, убегая к жемчужным звездам. Микула распахнул кожух, полной грудью вдыхая морозный воздух. Хорошо!

— Запахнись, дурень, застудишься, — ворчливо рявкнул на него старый дядька Завид, семенивший рядом. — И чего тебя понесло свататься? Знал же, что не отдаст.

— Да так, подергать захотелось, — улыбнулся Микула, бережно поддерживая старика под локоть.

Гриди охраны шли чуть поодаль, давая хозяевам потрепаться без лишних ушей. До дома можно было и в возке докатить, да захотелось размяться, отойти от хмельного угара.

¹ Тать — разбойник.

— Э-э, подергать, — передразнил дядька племянника, — вымахал, потолок в горницах подпирать, а ума не нажил. Давно бы нашел девку попроще, да детишек народили бы, мне старому в утешение. Скольких уж я тебе предлагал? Все нос воротишь. Хорошо — отец не дожил, не видел такого позора. Ишь, княжну ему подавай, хмельная твоя душа!

— Я из рода славного, могу и на княжну глаз положить, а добра у меня побольше, чем у иного захудалого князька будет, — беззлобно то ли в шутку, то ли в серьез ответил Микула.

— Забудь, забудь ты глупости эти! Род ваш славный, кто ж спорит. Братец дочь за отца твоего не раздумывая отдал и не выкручивался, как эти, — Завид с ненавистью посмотрел назад, где скрывались за поворотом хоромы Сбыслава. — Только в прошлом это все, пойми! Не в обиду. Другие в Новгороде сидят да князей за бороды дергают. А я разумею так, — дядька остановился, придерживая за рукав и Микулу, снова оглянулся, не слышит ли кто, и заговорил скрипучим старческим шепотом: — Давай я надавлю на Сбыславку, найду через кого, он поворчит — поворчит, а дочь отдаст, никуда не денется. Да все в шутку оборотим, мол, так уж и быть, зазноба в сердце запала, что и княжна не нужна.

— Сдалась мне его кобыла рябая, — гоготнул Микула хриплым басом, отчего за соседним забором истошным лаем зашлась собачонка, — чего я там не щупал, чтобы еще и на полати ее с собой класть?

— О-о, — протянул дядька, недовольно сдвигая брови, — охальник каков, так тем более женить вас надобно.

— Мне не надобно, — отмахнулся Микула.

— Оженись, оженись, Миколушка, осядь здесь или во Пскове, брось ты это ремесло беспокойное. Они тебе платят как псу цепному, чтоб добро их дорогой охранял, в насаде¹, что ложка

¹ Насад — речной корабль.

в котле, болтался, а уваженья не имеют. Боятся, то да, а ровней не чтут.

— Да плевать я на них хотел. Я там, у себя, сам себе князь, — Микула своевольно тряхнул густыми кудрями.

— Высоко взлетишь, больно падать. Век ушкуйника недо-лог, — дядька назидательно помахал перстом.

— Отец ушкуйником не был, а давно уж в могиле. То никто не ведает, когда Бог приберет.

Оба перекрестились. Ноги снова заскользили по молодому снегу.

— Что там, на Волге слышно? Верно, что болгары к сече с неведомой силой изготовились? — снова зашептал дядька.

— Да кто ж их знает, спокойно все, — пожал плечами Микула. — Нас не занимали, и мы их не трогали. Тихо прошли, вот до ледостава успели.

— А отбываешь когда?

— А как санный путь встанет, так домой и попрем.

— Домой, — проворчал старик, — а у меня, значит, тебе не дом? Я так, сбоку.

— Да не ворчи, крестный, и здесь дом. Душой отдыхаю.

— Ты уж, Миколушка, побереги себя. Всех сыночков да вну-чат схоронил, никого у меня, кроме тебя, нет. Помни то, — ста-рик опасливо шмыгнул носом, еще немного, и заплачет.

Микула снова бережно взял дядьку под руку. Все он понимал и старика жалел, только студеный зимний ветер звал на волю, а честолубие и злость на чванливых бояр толкали в спину — иди, добейся, докажи всем, чтоб на брюхе приползли да дочек своих наперебой совали, да заискивающе в очи заглядывали...

— Гордыня все, — словно прочел мысли крестника Завид. — Гордыня.

Глава I. Микульшин городец

Сентябрь 1237 г.

Весла в уключинах создавали жалобный скрип, похожий на стон. Да и самому Терентию хотелось стонать и охать. Полными тревоги очами вглядывался княжий посланник в черную воду студеной Вятки, в мрачный ельник, плотной непроницаемой стеной нависающий над скалистыми берегами. Всюду мерещились недобрые предзнаменования: то ворона злобно каркнет, то рыбина хвостом у борта плеснет. Как тут успокоиться?! Это ж надо в такую дикую глушь дать себя загнать! Страх щекотал за воротом.

То ли дело кметь Дедята — сидит себе у щеглы¹ да дремлет, словно по Клязьме на лодочке катается, а не в самую пасть к разбойникам плывет. Оно конечно, Дедята — воин, в боях побитый, ему под стрелами ходить, не привыкать. Сам-то Терентий — человек мирный, дьяк при князе, тяжелее пера отродясь ничего не поднимал и далее Городца да Владимира никуда не ездил. А тут на тебе, отправили. А все язык без костей виноват. «Терентия с собой возьми, он и мертвого уболтает, и с чертом сговорится». А у него, Терентия, спросили — желает ли он сам с этим самым чертом сговариваться? Посланник нервно осенил себя распятем.

Да кто ж его спрашивать будет, мелкую сошку. Кто об нем всплакнет, ежели что, кроме матушки да сестриц? Вдовец, даже жениться снова не успел, деток нажить... на свет Божий посмотреть. На свет, а не на эти елки треклятые! Уж так жалко себя стало. Терентий тяжело вздохнул. Сама княгиня приказала плыть, куда ж было деваться?! Не отвертись.

¹ Щегла — палуба.

Целую седмицу, пока не привык, Терентия нещадно мутило на палубе шаткого насада, кишки выворачивало так, что казалось сейчас и душа с ними вон отойдет. А эти морды нахальные только ржали как кони, никакого сочувствия да почтения. Домой, как же домой хочется! К пирогам, кашам, теплой лежанке.

— Дедята, — из вредности толкнул Терентий кмеля.

А чего он спит, а ты тут один переживай, волнуйся?

— Ну, чего? — недовольно буркнул воин, лениво приоткрывая один глаз.

— А ежели они нас перебьют и слова не дав сказать? Вот так возьмут, да и порубят на куски, — бойкое воображение уже подсовывало Терентию кровавое месиво, опять не к месту начало мутить.

Щуплый, похожий на взъерошенного воробья дьяк набрал побольше воздуха, чтобы пересилить приступ.

— И такое может быть, — усмехнулся в бороду Дедята, и не думая успокаивать попутчика.

— А я даже причаститься не успел, и рубаха вон, не стиранная, — грустно проронил Терентий, разглядывая вышитый сестрицей по льняному полотну узор.

Лицо Дедяты осталось непроницаемым. Среднего роста, но жилистый, проявленный на ветрах, смуглый от въедливого загара кметь, неспешный в словах и движениях, был полной противоположностью выхоленному и шустрому Терентию. Нет, Дедята не был угрюмым и нелюдимым, мог и расспросить о чем и пошутить при случае, но нянькой-утешительницей для молодого дьяка становиться не собирался, поэтому пропускал чужие жлобы и страхи мимо ушей как шум ветра.

— А вот ежели...

Договорить Терентий не успел, с легким свистом в палубу на локоть выше головы Дедяты вонзилась стрела. Терентий взвизгнул и повалился на палубу. И оказался последним, кто так сделал. Опытные вои уже лежали, побросав весла и при-

крывшись щитами. «Вжи-и-ть», — еще одна стрела воткнулась рядом с первой.

— Кто такие?! — раздался грубый голос из темного ельника.

— Гороховецкие, — так же басом отозвался Дедята, — от светлого князя Ростислава к ватаману Микуле Мирошкиничу плывем, дело к нему имеем.

Ответа не последовало. Гребцы не гребли, и оттого насад стало сносить назад по течению.

— Чего они молчат? — задыхаясь от волнения, спросил Терентий.

— К берегу гребки да жди, — был ему ответ из ельника.

— Причаливай! — зычно рявкнул Дедята, и вои, снова усевшись на лавки, заработали веслами.

Логово ушкуев мнилось Терентию скрытой в буреломе берлогой, а сами лесные тати — чумазыми дикарями с кистенями наперевес. Реальность оказалась куда бодрее. К гороховецкому насаду подплыл легкий струг. Опрятный не без кичливого лоска ушкуйник в собольей шапке махнул с кормы следовать за ним, насад погреб за стругом, и за поворотом реки по левую руку на холме показался город. Да-да, не захудалый городец, а большой, обнесенный новенькой деревянной крепостью град, с костровыми башнями, пряслами, утыканными бойницами, и огромным торгом прямо у речного берега.

Торг гудел деловитым ульем. Местные вотяки и чудь подвозили на лодках товары, бойко торговались с новгородцами, загружали купленное и выгружали проданное. Ровными рядами у пристани колыхались корабли. На мостках бабы стирали холстины, складывая их в огромные плетеные корзины. Град как град, ничего особенного. Терентий облегченно выдохнул.

Селились горожане в основном в избах-землянках, глубоко уходящих крепким срубом в землю, берегли тепло, но встречались и высокие хоромы нарочитой чади¹ с теремами. Возле бо-

¹ Нарочитая чадь — знатные люди, уважаемые мужи.